

RU

Достоверность повествования и художественный домysel в произведениях А. Айдамирова («Молния в горах»), Ш. Окуева («Красные цветы на снегу») и М. Мамакаева («Зелимхан»)

Товсултанова Д. С., Даудова М. И.

Аннотация. Цель данной статьи - дать научную характеристику явлению художественного взаимодействия «достоверности» и авторского «домысла» в творчестве А. Айдамирова, М. Мамакаева и Ш. Окуева, опираясь на сюжетные константы, образы-символы и концепты в их романах. Научная новизна заключается в том, что впервые показаны противоречия стиля автора и стиля эпохи по отношению к «эвиденциальности» как маркеру художественной правды, выявлена роль символов, репрезентирующих «достоверность» и «эвиденциальность» нарратива. Полученные результаты позволяют проследить реализацию идеала исторической правды в романах, сочетающих достоверность, документальную точность с авторской фантазией, домysлом и мифопоэтической образностью.

EN

Narrative Credibility and Artistic Speculation in A. Aydamirov's ("Lightning in the Mountains"), Sh. Okuev's ("Red Flowers on the Snow") and M. Mamakaev's ("Zelimkhan") Works

Tovsultanova D. S., Daudova M. I.

Abstract. The paper aims to give a scientific characteristic of the phenomenon of artistic interaction between "credibility" and the writer's "speculation" in A. Aydamirov's, M. Mamakaev's and Sh. Okuev's works based on the plot constants, symbolic images and concepts in their novels. The scientific originality of the research lies in the fact that it shows contradictions between the writer's style and the style of the epoch in relation to "evidentiality" as a marker of artistic truth for the first time, identifies the role of symbols which represent the narrative "credibility" and "evidentiality". The results of the research allow observing the realization of the historical truth ideal in the novels which combine credibility, documentary accuracy with the writer's fantasy, speculation and mythopoetic imagery.

Введение

Актуальность. Категория «достоверность» всегда считалась базовым признаком настоящего искусства, будучи общенаучной категорией, связанной с понятиями истины (художественной истинности), адекватности эстетического воспроизведения явлений действительности, а также, в определённой мере, стиливого правдоподобия нарратива. В произведениях чеченских писателей 1960-х – 1980-х годов проблема достоверности была тесно связана с проблемой реалистичности стиля повествования, которое в своей структуре воссоздавало авторский замысел и идеал, понимание исторической правды, эстетические регистры и средства реализации авторских идей. Задачи данного исследования: а) дедуктивное обобщение существующего опыта изучения творчества чеченских авторов 1960-1980-х гг.; б) выявление закономерностей реализации принципа достоверности, аутентичности нарратива в его диалектической слитности с принципами авторской фантазии, условности, домысла в художественном произведении (далее – ХП), в творчестве видных представителей реализма XX в.

Теоретическая база исследования и методологическая соединяют в себе традиционный историко-культурный подход и элементы метода концептуального моделирования, разрабатываемого в трудах З. Д. Поповой, И. А. Стернина (2010), Л. В. Проскурниковой (2019), Л. А. Фурс (2004) и др. Представляется принципиальным в методологическом плане рассмотрение вопроса о синтезе документального материала и мифопоэтической

традиции в изучении прошлого, о чем писали многие ученые. Так, например, Т. Б. Джамбекова (2010) в своей докторской диссертации справедливо отмечала, говоря о проблеме абречества в чеченском искусстве, что в повести «Зелимхан» Д. Гатуева «наблюдается синтез документализма и художественности. В ней были привлечены фольклорные материалы, созданные в жанре каторжных песен, устных преданий и рассказов, а также архивные источники – циркуляры, рапорты, протоколы царских чиновников, материалы дореволюционной кавказской прессы, письма Зелимхана, воспоминания его сподвижников и родных и т.д.» (с. 14). В статье о последних днях Зелимхана Т. Б. Джамбекова и О. А. Джамбеков (2016) тонко подметили: «Писатель глубоко анализирует психологический и психотерапевтический смысл народного пантеизма и мифопоэтизма: абрек Зелимхан именно перед лицом все более трагически стремительно надвигающейся смертельной опасности испытывает, ощущает истинную переоценку ценностей через присущий народному мировоззрению анимизм и антропоморфизм мира природы» (с. 68). Анализируя внутренний мир героев, историки национальной литературы подчеркивают их кровную связь с природой Кавказа и слияние народного эпоса с традицией мифопоэтической художественной достоверности, синтезирующей точность нравственных характеристик и красоту народного воображения. Данная установка отечественных ученых очень полезна, перспективна и может, на наш взгляд, быть дополнена другими методиками анализа чеченской классики, о чем речь ниже. Эмпирический материал представлен романами А. Айдамирова (2004), Ш. Окуева (2009) и М. Мамакаева (1981), а также материалами по истории и теории чеченской культуры, историческими документами и т.п.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании истории литературы народов Кавказа и теории литературы. Их целесообразно использовать при создании в научных трудах логической схемы движения литератур к универсальному идеалу адекватного отражения исторического пути мировой литературы и национальных культур. Пока картина литературного развития Чечни лишена панорамности и соразмерности элементов, составляющих её систему.

Основная часть

Достоверность чеченского исторического нарратива как проблема теоретической поэтики

Кординальной особенностью функционирования термина «достоверность» в художественной литературе и в науке об искусстве слова является его обобщенно-пограничный и размытый из-за полисемии характер: с одной стороны, это понятное и привычное обозначение адекватности авторского слова, показатель убежденности автора в своей правоте, но, с другой стороны, если вспомнить о субъективности любого творчества, личная уверенность писателя в чем-либо не гарантирует соответствия повествования объективной истине, которая, кстати, для многих философов и литературоведов является актуальным, но спорным понятием (Джамбеков, 2016; Панеш, 1990; Пивоев, 2008; Хорольский, 2021, с. 30). Достоверность повествования, понимаемая как художественная (чаще всего – объективно правдивая) картина мира, не противоречит авторскому домыслу и художественному вымыслу, однако соотношение реального жизненного факта и писательского вымысла в каждом конкретном случае разное, оно подвижно, хотя во многом отражает стремление автора к истине, которая похожа на зовущий, но удаляющийся огонь в темноте, постоянно отступающий, но притягивающий к себе. Истина – это фундамент эстетического идеала (далее – ЭИ) искусства, она исторически относительна, в абсолюте недостижима, как и линия горизонта. «Достоверность», будучи «зонтичным» термином, объединяет в себе понятия и векторы, помогающие охарактеризовать логику реалистического движения как в национальных культурах, так и в творчестве отдельных авторов.

Реалистические произведения, будучи по определению воссозданием характерных сторон жизни, как правило, с помощью пластических зримых образов, живых картин реального бытия людей, выражают художественную истину, одной из примет которой служит психологическая достоверность, убедительность отображаемых чувств героев. Уже в фольклоре, в древних мифах правдиво и убедительно изображались человеческие эмоции, хотя часто события были сказочными, а факты были непривычны для современного сознания. Например, Медея, убивающая своих детей, сегодня не воспринимается как «типичный представитель...», но её переживания, растоптанная любовь, страдания – всё это согласуется с законами достоверного рассказа о трагедии любви. Условность искусства усиливает стиливые регистры нарративов об архетипических эмоциях и типизирует, стереотипизирует глубинные и часто трудновыразимые («неизглаголемые», как писал А. Блок) ощущения и интуиции (Гайтукаев, 2013; Панченко, 2010; Хорольский, 2021, с. 29). Метод концептуального моделирования в искусстве слова позволяет с помощью создания упрощенных моделей анализа отдельного ХП и его ЭИ создать алгоритм обобщенного типологического рассмотрения «блоков» национальной литературы, как в случае с изучением русского классического реализма позапрошлого века, так и в случае с освоением фольклорного наследия, историзма в литературе народов Северного Кавказа.

Классиком историко-социального жанра по праву считается Абузар Айдамиров, автор известных произведений о трагических событиях в Чечне, ставших основой сюжетов в трилогии «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря». Наследие А. Айдамирова стало ферментом творчества многих авторов, оно перекликается с ключевыми идеями М. Мамакаева («Зелимхан»), Ш. Окуева («Красные цветы на снегу»), Х. Ошаева («Пламенные годы»). Эти ХП дают возможность выявить основные концепты панорамной прозы названных выше авторов, а на основе анализа художественной концептосферы, как нам представляется, можно определить векторы функционирования и эволюции в литературном процессе 1960-х – 1980-х годов, уточнить логику взаимодействия

смежных категорий: «достоверности», «истинности», с одной стороны, и «воображения», «вымысла», с другой. Начнём с романа «Молния в горах», созданного на основе повести «Именем свободы» в 1960-е – 1970-е годы. В романах А. Айдамирова постоянно повторяются как слова-символы, так и мотивные блоки: война, свобода, народ, земля и т.п. Вот очевидные и наиболее привычные концепты в ХП «Молния в горах»:

1. *«Многие аулы и хуторы не видны теперь на своих прежних местах. Одни уничтожены, другие переселены на равнины, поближе к крепостям царских войск, под жерла пушек. Во многих местах, где раньше были аулы, теперь обугленные стены и пни вырубленных или сожженных фруктовых деревьев. Заброшенные кладбища... нагоняют безысходную тоску. Как остаются шрамы и рубцы на теле человека после ран, так следы войны хранит природа. Они видны... в одичавших садах разрушенных аулов, да на заброшенных дорогах, которые раньше вели в эти аулы»* (Айдамиров, 2004, с. 107).

Выделенные слова и словосочетания, излучая энергию достоверно-исторической семантики, подчеркивают драматизм фабулы и основного тона автора: война России с горцами, небывалая жестокость царских войск, сражающихся против мирного населения Кавказа, принесли горе и несчастье многим поколениям, именно поэтому в ХП мотив смерти стал архетипическим. Героизм восставших, боевые действия народа, отстаивающего своё достоинство, предвидимая гибель Алибека и его сподвижников – таковы семиотические элементы структуры ХП, ставшие фабульными и эвиденциальными, духовными и, с точки зрения реципиента, самоочевидными скрепами айдамировского нарратива.

2. *«Свобода требует борьбы, а борьба не бывает без жертв. Чтобы дать народу свет, надо сгореть сотням и тысячам. А если никто не захочет сгореть, тогда народ так и останется в непроглядном мраке, не зная, что делать и куда идти, не зная, что над ним творят и как ему поступать»* (Айдамиров, 2004, с. 114).

В этих словах героя ХП, патриота нации Берсы, призывающего сограждан к сопротивлению оккупантам, осязатима решимость фанатичного борца с социальным злом, с государственным терроризмом. В воображении автора возникает образ-символ инсургента, готового отдать жизнь ради освобождения малой родины и всего горского края. В цитате 2 зримо представлено авторское подтекстовое одобрение идеи личного самоотречения, идеи добровольной смерти, демонстрируемой на примере судеб положительных героев трилогии. Философ Ю. В. Хилимов (2004) подчеркивал, что «в силу того, что смерть феноменально являет себя в качестве мертвого тела, она подвергается многообразию культурной символизации. Прежде всего это отражено в классических работах Э. Тайлора, Д. Фрезера, М. Элиаде» (с. 108). Образ диегетического нарратора, прибегающего к лояльной советской риторике и осуждающего религию («Без религии и духовенства народ проживет, но народ без прав и свободы – мертв»), не воспринимается сегодня как полностью достоверный: амбивалентность авторской позиции, обусловленная самой историей Чечни, отражает объективные противоречия массового (социалистического) сознания в конце XX в., но никак не ставит под сомнение его талант бытописателя и историка. А. Айдамиров был не только чутким летописцем прошлого времени, он достоверно показал дух исторического Времени вообще, создав мифопоэтический образ эпохи кровавого покорения Кавказа как периода испытания и укрепления самоидентификации нации. Психологическая достоверность характеров стала в обсуждаемой трилогии высшим достижением новейшей чеченской литературы. Поэтика произведения, будучи синтезом эпоса, лирики и трагедии, гармонично передает пафос автора как совокупности всех точек зрения в ХП. Риторические фигуры, особенно вопрошания и восклицания, усиливают публицистическую экспрессивность, пафосную манеру и значимую характеристику стиля А. Айдамирова. Вот аналогичный пример:

3. *Дада, сын Залмы, правильно сказал, что главной опорой восстания будет молодое поколение. Но если я молод и мои сподвижники все будут молодые, что же тогда станет с нашим делом?* (Айдамиров, 2004, с. 119).

В цитате 3 ключевой семемой выступает понятие молодости как поры жизни и радости, как период материнских забот и женской красоты, приносимой в жертву долгу. Молодые мужчины и совсем ещё ребята, дети, идут на смерть, чтобы отстоять идеалы и традиции «независимой Ичкерии». Жертвенность, самоочевидная часть авторского идеала, не выступает как непререкаемый постулат, старшее поколение, помня о поражениях прошлых лет, просит сыновей подождать. Это болезненный психологический элемент нарратива, подводящий читателя к философской дилемме, к обсуждению цены жертвенности и смерти в борьбе, обреченной на поражение (Гериханов, 2011, с. 218). Выделенные лексемы (в цитате 3) показывают трагизм звучания основного мотива и драматизм «бытовых» сцен и эпизодов повествования. Любовь героев, их понимание радостей бытия, красота родного края – всё это создает семантическую оппозицию «жизнь – смерть», подчеркивая ужас выбора главных героев «Молнии в горах». Писатель приводит конкретные факты массового неоправданного насилия над «туземцами», объясняя поведение горцев реакцией на агрессию:

4. *«Царское правительство бесчеловечными, зверскими методами подавляет его сопротивление военно-колониальной политике, его борьбу за свободу и человеческие права, используя при этом представителей других народов Кавказа и даже самих чеченцев. Сжигаются, уничтожаются аулы, посева, сады, леса, скот. Чеченский народ изгоняется из родных мест, выселяется в Сибирь, в том числе женщины, дети, старики»* (Айдамиров, 2004, с. 12).

В цитате 4 ключевыми семемами служат антитегетические пары «царское правительство – народ» и «зверские методы подавления – борьба за свободу». Исторические факты, письма русских офицеров, записки публицистов (Э. Н. Абросимов, И. В. Томкеев) обнажают корни исторической несправедливости, исправление которой растянулось на многие десятилетия. А. Айдамиров строго документален в создании эпоса о покорении Кавказа, но он легко соединяет факт и домысел, рисуя народные праздники, отношения людей и психологию соплеменников. Четкость социально-бытового нарратива подкрепляется обильной детализацией, каталогизацией примет

народной жизни (одежда, пища, пейзаж, домашние животные, танцы) и верностью воображаемых картин жизни, например, спортивных состязаний в ауле Гаги-Юрт, где рос вождь восстания, славный наездник Алибек Алдамов (иногда пишут Олдамов и даже Алданов), ставший самым молодым хаджи, руководивший, несмотря на молодые годы, «молнией в горах», историческим вызовом военной машине России.

**Проблема соотношения реальных фактов и художественного вымысла
в прозе А. Айдамирова, М. Мамакаева и Ш. Окуева в контексте танатологического сюжета**

В чеченской прозе 1960-1980-х годов много говорится о смерти, об умирании и гибели простых людей и героев, сознательно посвящающих себя мученичеству ради идеи. Танатологические мотивы в повествовании нередко становятся у названных авторов доминантой сюжета, как в историческом романе Магомеда Мамакаева «Мюрид революции» (1962) и в его же романе «Зелимхан» (1967-1969). В произведениях рассматриваемых нами авторов значительное место занимает ритуал погребения, в котором воплощены традиции народного стоического приятия смерти. Герои, отдавшие жизнь ради интересов коллектива, воспевались и сегодня воспеваются в чеченских песнях, а национальный фольклор в танатологических сюжетах воссоздавал вечный образ-архетип страдающего и умирающего за родину героя. Конечно, современное историко-философское осмысление цены такой жертвы отличается от мифопоэтического, писатели вносят коррективы в трактовку моральных мотивов. Но связь времен, трепетное отношение чеченцев к прошлому ощутимы в самых обыденных описаниях похорон, женского ритуального плача, многомесячного траура и т.п. В момент умирания литературных героев авторы воспроизводят и утверждают в сознании читателей идеал стоицизма и презрения к смерти: вечная жизнь, по мнению большинства верующих героев, важнее мимолетного бренного существования на земле. В подтексте всех рассматриваемых произведений можно увидеть антитезу временной жизни в этом мире и вечной жизни в потустороннем мире.

Жизнь продолжается и после восстаний, революций, войн, поражений, убийств. Надежда на улучшение ситуации остается всегда, несмотря на невзгоды и исторические поражения народа. Об этом писал классик чеченской литературы Шима Окуев (1937-1986). Автор-повествователь в его романе-дилогии «Красные цветы на снегу» (1976 и 1978 годы издания) выразил эту мысль-аксиому в самом начале своей истории:

5. *«Ни на один день не останавливали **весенние работы** горцы, приученные к постоянному **труду**. “Все мы на этой земле смертные. Но пока **жив** человек, он должен трудиться и зарабатывать свой **кусочек хлеба**”, – говорили они, начиная **весеннюю страду**. Теперь все **работали** ускоренно: надо было успеть до полного таяния снега **обработать** удобрениями **пашни**... На этих неплодородных **землях** хорошим подспорьем в получении **высоких урожаев** было внесение под пахоту **навоза**»* (Окуев, 2009, с. 6).

В цитате 5 ключевая мысль нарратора эксплицируется с помощью традиционных образов-эмблем: труд, земля, весна, жизнь и т.п. Радостное ожидание нового урожая, планирование семьи, воспитание детей – всё это описывается Ш. Окуевым с учетом конфликта метрополии и национальных окраин. Социально-политический пафос ХП раскрывается как в картинах мирной жизни горцев, так и с помощью фабульной линии противостояния различных сил, например, вечного конфликта богатства и бедности. Позитивные картины мирного труда прерываются сценами и образами, более характерными для исторической прозы 1970-1980-х гг.: лексемы «насилие», «тюрьма», «Сибирь», «смерть», как и у других писателей, являются маркерами авторского сознания и художественной интенции. Вот лишь одна красноречивая цитата:

*«Иржаков стал **бить** лежащего Байсангура ногой в лицо... Бочкарев **ударом** в подбородок свалил его... Пока Стропилин и Бочкарев **избивали** Али, а Иржаков, приказывая солдатам держать, **бил** Байсангура, прошло некоторое время. Их лица, особенно лицо Байсангура, были **страшно изуродованы**. Даже в ночной тьме можно было разглядеть **кровь**, которая, смешиваясь с грязью, стекала с них»* (Окуев, 2009, с. 212).

Определяющей в этом отрывке стала сема «бить, избивать», концентрирующая мотивы унижения национальной гордости, насилия и пыток заключенных, часто абсолютно невинных людей. Кровь героев становится в ХП знаком проливаемой народной крови, символом страданий и мук, что вызывает протест автора и читателя. Такая политика правительства породила бунты, усилила влияние идеологии абречества, хотя писатели видели амбивалентность подобного мирозерцания, оправдывающего антиюридизм и аморальность. Ш. Окуев создал запоминающиеся образы лже-абреков (Висарг и его братья), грабивших народ, прячась за маску борцов против богатых. Но образ-символ абрека Зелимхана Харачоевского в народной памяти остался примером Сопrotивления, который объединял нацию многие десятилетия. Об этом рассказывает в своем ХП известный мастер художественного слова М. Мамакаев. Опираясь на работы предшественников (Айдамиров, 2004; Бердыев, 1932), автор анализирует диалектику национальной гордости и внациональной человеческой гордыни, мешающей беднякам, объединившись, противостоять миру Железной пяты. В монологах Зелимхана автор выразил противоречия психологии не только отдельных героев, но и всего тейпового мышления: *«Зелимхан по-прежнему стоял неподвижно, будто все это его и не касалось, хотя в душе его бушевала бессильная **ярость**. Как он, горец, должен молча выслушивать все эти оскорбления и не **убить** обидчика? Хотя за последние два-три месяца ему довелось пережить и не такое. Легко ли ему сознавать, что пристав Чернов, ни за что **ударивший** по лицу его сточетырехлетнего деда Бахо, остался там, на воле, чтобы **безнаказанно** посмеиваться над внуками почтенного старика... Вот и сейчас он мог бы одним ударом свалить этого крикливого офицера и попытаться **вырваться из тюрьмы**, да что поделаешь, если отец и двоюродные братья томятся здесь в камерах... Где же справедливость? “Нет, – решил молодой харачоевец, – напрасно я тогда сдался властям.*

Надо было бежать в горы, остаться на воле и самому драться за свою честь. Нет, надо бежать отсюда, обязательно бежать!» И желание быть свободным поселилось в нем столь властно, что ни о чем другом он и думать не хотел» (Мамакаев, 1981, с. 12).

Монолог героя содержит много ключевых слов, всплывающих в ХП и позже. Рекуррентный повтор, позволяющий подчеркнуть авторскую идею, дать смысловые приращения высказыванию, выделяет ключевые мотивы – свобода или смерть, независимость любой ценой и т.п. Горы выступают в ХП как символ «своей земли», не случайно так ценится всеми авторами топонимика географических мест, названия аулов и крепостей. Родной аул – это метафора-синоним дома, эмблема малой родины, за которую пострадать почетно. Антитеза «народ – власть» в романе М. Мамакаева функционирует аналогично её бытованию в прозе большинства писателей Чечни. У А. Айдамирова она высечена более панорамно, у Ш. Окуева – более эмоционально, у М. Мамакаева – более традиционно, с более интенсивной опорой на фольклор.

Таким образом, мотивы борьбы за национальную независимость, сливаясь с обсуждением тем войны и смерти, составляют «скелет» повествовательной конструкции, функционирующей в рамках танатологического сюжета всех трёх авторов. Данная конструкция может рассматриваться как несущая в чеченской прозе второй половины XX в.

Заключение

Анализ произведений чеченских авторов, рассмотрение функционирования терминов и категорий «достоверность», «историзм», «эвиденциальность» и других позволил сделать следующие выводы.

1. Эвиденциальность событий прошлого не отменяет диалектики событий-кентавров, когда этическая оценка автора подталкивает читателя к границе достоверности рассматриваемых ХП. С одной стороны, жертва ради свободы народа и родного края остается высшей точкой художественной деонтологии, а, с другой стороны, событие рассказывания, наррация подводят реципиента к линии иной истины – к линии общечеловеческой морали, где жизнь человека считается высшей ценностью и соответственно – высшим мерилом истинности суждений. Неразрешимость и неразрешённость этой дилеммы в рамках традиционного реализма чеченской прозы 1960-х – 1970-х годов очевидны, но не драматичны, ответ на вопрос о диалектике жизни и смерти в прозе 1960-х годов также не мог быть эксплицирован и выявлен на конкретных примерах не только из-за цензуры или традиций горцев. Проза Айдамирова, Окуева и Мамакаева свидетельствует об универсальном характере дилеммы сопротивления Злу и нарушения закона в ходе борьбы против конкретного Зла.

2. Мортальные сюжеты чеченских авторов свидетельствуют о цивилизационном духовном конфликте «восточного» и «западного» типов мироощущения. Жертвенность стала нормой жизни, поддерживаемой мусульманской традицией. Боль и страдания унижаемого народа не могли не породить в умах ответную реакцию сопротивления и неприятия христианских идей о всепрощении. В песнях и сказаниях горцев воспевалась готовность умереть «за други своя», священная месть была важнейшей темой фольклора. Многие мифопоэтические стереотипы массового сознания отражены и в прозе 1960-х – 1970-х годов, их художественная достоверность не вызывает сомнения. Реализм нашего века, вошедший в соприкосновение с постмодернистской релятивизацией больших истин, отходит от линии эвиденциальной достоверности, но эволюция литературы ясна: никто сегодня не может игнорировать опыт старшего поколения, никто не пройдет мимо достижений психологического реализма выдающихся художников слова.

3. Эпическое творчество чеченских писателей, достоверно воспроизводящее мироощущение горцев, актуально и сегодня, так как авторы сумели эмоционально и образно воспроизвести природу этно-конфессиональных противоречий прошлого, отчасти объясняющих современные конфликтогенные ситуации. В их ХП показаны особенности менталитета людей, умирающих за свою свободу, за право этноса жить и трудиться без внешнего вмешательства. За это священное право и отдавали жизнь национальные герои. В прозе А. Айдамирова, М. Мамакаева и Ш. Окуева мотив гибели лучших сынов чеченского народа репрезентирован в рамках традиционного бытового реализма и психологически достоверной прозы о подвиге рядовых борцов за идею освобождения. Эвиденциальность, будучи обозначением объективно-естественного раскрытия сути исторических событий, помогает сделать наррацию более достоверной и правдивой. Самоочевидным фактам в ХП читатель более доверяет, что делает использование данного термина оправданным и плодотворным.

4. Сопоставляя терминологические словосочетания «художественный реализм», «исторический реализм» и «художественный историзм», следует проводить смысловую границу между объективными событиями, зафиксированными в непротиворечивых, верифицируемых документах, и авторской эмоционально-субъективной волей, стремлением построить нарратив на самоочевидных фактах истории. Исторический реализм чеченских авторов, достоверно и образно, подчас с элементами натурализма и обильной описательно-бытовой детализации рассказывающих о трагизме национальной жизни, дополнял их жаждой исторической справедливости, что ведет, например, к идеализации явно противоречивых сторон обычаев старины, оправдывающих кровную месть и мораль абречества. Это реализм адекватного нарратива о судьбе народа, о жизни и смерти его героев. Художественный историзм (как сплав научной картины мира и мифопоэтических традиций в сказаниях о героических деяниях предков) органично совмещает в ХП факты истории и гиперболизацию, идеализацию и любую условность. Танатологический сюжет, выступая в качестве принципиального нарративного импульса, в разных вариантах эксплицируется и в современной литературе Кавказа.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы достоверности литературного произведения с помощью предложенных понятий и терминов, думается, обусловлены необходимостью охарактеризовать произведения чеченских прозаиков как составную часть современной литературы, как отправную точку для анализа противоречий национального самосознания, отраженного в рамках художественного историзма. Метод концептуального моделирования помогает приблизиться к горизонту культурологических универсалий, концептов, обобщающих опыт мировой литературы XX в.

Источники | References

1. Айдамиров А. А. Молния в горах / пер. с чеч. А. Айдамирова. Грозный, 2004.
2. Бердяев С. К. Чечня и разбойник Зелымхан. Париж, 1932.
3. Гайтукаев К. Б. Писатель и его герои. Грозный: Джохар, 1997.
4. Гериханов Х. Тернистый путь «Долгих ночей» // Гериханов Х. Эпоха долгих ночей (статьи, очерки, рецензии, воспоминания, интервью, выступления в периодической печати). Грозный, 2011.
5. Джамбеков О. А. Место фольклора в системе мировидения, литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности чеченских писателей XX века (проза Магомета Мамакаева, Абузара Айдамирова, Шимы Окуева): дисс. ... д. филол. н. Махачкала, 2016.
6. Джамбекова Т. Б. Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. Майкоп, 2010.
7. Джамбекова Т. Б., Джамбеков О. А. Роль фольклорной семантики, поэтики и стилистики в художественной организации финальных сцен романа Магомета Мамакаева «Зелымхан» // Научный вестник Кубанского государственного университета. Медиакommunikация. 2016. № 1.
8. Мамакаев М. А. Зелымхан: роман. Грозный: Чечено-Ингушское издательство. 1981.
9. Окуев Ш. Х. Избранное. Красные цветы на снегу. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009.
10. Панеш У. М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990.
11. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография / науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.
12. Пивоев В. М. Субъективная достоверность и ее критерии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 4.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ - Восток - Запад, 2010.
14. Проскурнина Л. Репрезентация языковой личности автора художественно-исторического текста (на материале произведений И. И. Лажечникова): автореф. дисс. ... к. филол. н. Белгород, 2019.
15. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2004.
16. Хилимов Ю. В. Феномен смерти человека (возможности философской концептуализации): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004.
17. Хорольский В. В. Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. № 1 (1). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Информация об авторах | Author information

Товсултанова Джамиля Салавдиевна¹, к. филол. н.
Даудова Мата Исмаиловна²

^{1,2} Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

Tovsultanova Dzhamilya Salavdiyevna¹, PhD
Daudova Mata Ismailovna²

¹ Chechen State Pedagogical University

² Chechen State Pedagogical University, Grozny

¹ djema-88@mail.ru, ² daudova_18@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.12.2021; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): достоверность; эвиденциальность; исторический реализм; домисел; мортальный сюжет; художественный реализм; credibility; evidentiality; historical realism; speculation; mortal plot; artistic realism.